

ТУЗЕМНЫЕ ПРАВИТЕЛИ» ПОД АНГЛИЙСКИМ ВЛИЯНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ БХОПАЛА)

© 2023

Е. Ю. Ванина¹

«Туземные государства», которых в колониальной Индии насчитывалось около 600, позиционировались британской пропагандой как островки «азиатской дикости». При этом со стороны самих княжеских семей в той или иной степени четко прослеживалось стремление к западному образованию и заимствованию элементов европейской (в основном английской) культуры. Это объяснялось желанием убедить белых сахибов в своей лояльности и прогрессивности, а также во многих случаях — искренним, особенно у молодого поколения, интересом, результатом которого для одних стало просто «модничанье», для других — подлинное желание избавиться от средневековых пережитков.

Крупное княжество Бхопал, управлявшееся на протяжении столетия женщинами-мусульманками, в своей внутренней политике, административной практике, атрибутах власти и придворной культуре следовало образцам эпохи Великих Моголов. Преданность вере и могольско-афганским традициям не мешала бхопальским княгиням давать детям, наряду с каноническим мусульманским, европейское образование, для чего, с согласия британских властей, нанимались учителя и гувернеры из Европы. При этом бхопальские правительницы и их наследники пытались использовать свои знания о Европе, осуществляя в княжестве серьезные нововведения в сфере образования (особенно женского), здравоохранения и даже «политической модернизации». Статья рассматривает различные проявления европейского влияния на Бхопал, как носившие демонстрационно-декоративный характер, так и соответствовавшие модернистским течениям в индийском исламе второй половины XIX — начала XX в.

Ключевые слова: Бхопал, колониализм, княжества, реформы, английское влияние, ислам

Для цитирования: Ванина Е. Ю. «Туземные правители» под английским влиянием (на примере Бхопала). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 4. С. 75-86. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-075-086

‘NATIVE RULERS’ UNDER BRITISH INFLUENCE: THE CASE OF BHOPAL

Eugenia Yu. Vanina

The ‘native states’, numbering around 600 within colonial India, were positioned by the British propaganda as ‘islands of Asiatic barbarity’. However, the princely families themselves exhibited, to this or that extent, an aspiration for Western education and adoption of certain elements of European (primarily English) culture. This was facilitated by the wish to convince the White Sahibs of being loyal and progressive, and, in many cases,

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

by a sincere, especially in the younger generation, interest, which for some resulted just in 'being fashionable' and for other in a true desire to overcome medieval vestiges.

The major princely state of Bhopal, ruled for a century by Muslim women, followed the Mughal patterns in its internal policies, administrative practice, power attributes and court culture. Loyalty to Islam and the Mughal-Afghan traditions were no obstacle for the women rulers to give their children, apart from the canonical Islamic, a Western education, for which, with the permission from the British authorities, teachers and governesses were hired from Europe. The Bhopal queens and their heir-apparent tried to implement their knowledge of Europe, introducing significant reforms in education (especially female), health care and even 'political modernization'. The paper discusses various manifestations of European influence in Bhopal, from those of demonstrative-decorative character to the ones corresponding to the modernist trends in Indian Islam in the second half of the nineteenth – early twentieth century.

Keywords: Bhopal, colonialism, princely states, reforms, British influence, Islam

For citation: Vanina E. Yu. 'Native Rulers' under British Influence: the Case of Bhopal.. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 4. Pp. 75–86. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-075-086

Колониальная Индия представляла собой с точки зрения административно-политического и территориального устройства довольно сложную структуру, в значительной степени позаимствованную у предшественника — империи Великих Моголов. Помимо собственно Британской Индии, т. е. регионов, непосредственно управлявшихся из метрополии (сначала английской Ост-Индской компанией, затем короной), на территории современных Индии, Пакистана и Бангладеш существовали формально суверенные княжества — к концу колониальной эры их насчитывалось около 600 и они занимали около 40% территории неразделенной Индии [Keen, 2012, p. 1]. Эти «туземные государства» (одни являлись довольно крупными, другие — небольшими или микроскопическими) считались вассалами — до 1858 г. «благородной Компании», впоследствии — британской монархии². Отношение колониальных властей к княжествам в разные времена было неодинаковым: от откровенной конфронтации первой половины XIX в., когда под любым предлогом — нелояльности, «дурного управления» или отсутствия в правящей семье мужского потомства³ — княжества ликвидировались и присоединялись к британскому домену, до откровенного заигрывания в период после Сипайского восстания⁴.

Признавая важным обеспечение лояльности британской короне туземных вассалов, колониальные власти и английское общественное мнение не скрывали своего презрения к ним, наделяя индийских князей всеми возможными человеческими пороками. Княжества в этом дискурсе выглядели «азиатскими деспотиями» и «островками средневековья» — подобную трактовку у колониальной пропаганды позаимствовали индийские националисты [Ramusack, 2004, p. 1;

² В 1858 г. во время подавления Великого народного (Сипайского) восстания манифест королевы Виктории ликвидировал Компанию и перевел индийские владения под непосредственное управление британской короны. Княжества были объявлены вассальными государствами — в декларации Эдуарда VII (1908), посвященной 50-летию вышеупомянутой декларации его матери, князья фигурировали как Feudatory Princes [Ghose, 1921, p. 237].

³ И индуское, и мусульманское традиционное право наделяло приемных детей такими же правами, как родных. Князьям, однако, британские власти до восстания запрещали то, что дозволялось последнему крестьянину: объявить приемного сына наследником.

⁴ О действиях британских властей в отношении княжеств и о различных аспектах внутренней политики самих князей в мировой литературе существует немало высококлассных исследований. См. анализ этих исследований: [Zutshi, 2009; Ernst and Pati, 2010]. Отечественные работы на эту тему: [Ванина, 2016; Глушкова, 2016; 2017; Десяткина, 1961; Сидорова, 2017, 2021].

Сен, 2010]. В период после восстания англичане предприняли ряд мер, дабы «цивилизовать туземных князей», особенно младшее поколение: для них учреждали особые школы и колледжи, способствовали поездкам принцев в Европу учиться и путешествовать. Однако, получив диплом британского университета, усвоив все манеры «настоящего джентльмена» и даже заслужив за верность сюзерену орден и рыцарское звание, княжеский отпрыск все равно оставался для британцев презренным «загорелым сахибом». При этом английские чиновники и путешественники любили посещать княжества ради развлечений (особенно охоты) и вообще экзотики, той самой «азиатчины», на фоне которой так прекрасно выглядел «прогресс», внедряемый британцами в собственных владениях.

Изучение истории, административного устройства, социальных основ и культуры княжеств колониального периода в той или иной мере ставит перед исследователями вопрос о соотношении корневой «туземной» и заимствованной европейской (английской) составляющих в жизни этих государств — прежде всего, конечно, правящей семьи и элиты. Вопрос можно сформулировать и по-иному: как трансформировались княжества, являвшиеся в большинстве своем порождением средневековья и раннего нового времени, в новую эпоху, как воздействовало на них колониальное окружение? Только лишь приступая к исследованию указанной проблематики, я далека от того, чтобы предложить в данной статье сколько-нибудь полный ответ на эти вопросы. Моя задача — на основе доступных источников (архивных материалов, хроник, мемуаров, писем и т. д.) рассмотреть английское влияние на быт княжеской семьи Бхопала.

Государство Бхопал было основано в Центральной Индии в 1723 г. Достом Мухаммад-ханом, афганским наемником на могольской службе. Воспользовавшись распадом империи Моголов и войнами «всех против всех», прежде всего — между могущественными Маратхской конфедерацией и Хайдарабадом, он, подобно многим удачливым авантюристам-военачальникам той эпохи, смог сколотить себе княжество и стать его первым государем (*навабом*), заручиться поддержкой местных феодалов и пригласить из Афганистана своих многочисленных сородичей — все они составили правящую элиту нового государства. После смерти основателя (1728 г.) Бхопал пережил множество войн, поражений и побед, мятежей и кризисов, и в 1818 г. его правитель Назар Мухаммад-хан подписал с англичанами субсидиарный договор, по которому признал себя вассалом Компании. Год спустя он погиб, и придворные возвели на трон его малолетнего племянника, а регентшей при нем — вдову покойного *наваба*, Кудсию-*бегам*. Так княжество Бхопал стало уникальным: начиная с Кудсии-*бегам* (1819–1837), в течение более ста лет им владели женщины: дочь Кудсии Сикандар-*бегам* (1847–1868), внучка Шах-Джахан-*бегам* (1868–1901) и правнучка Султан-Джахан-*бегам* (1901–1926)⁵. И только последняя из княгинь передала власть сыну, Хамидулле-хану (1926–1949), которому вновь наследовала дочь, Абид-султан, но в 1949 г. княжество было ликвидировано и вошло в состав независимой Индии, а несостоявшаяся княгиня уехала в Пакистан⁶.

БУРКА И ПЕНЬЮАР

Князья и княгини Бхопала являлись правоверными мусульманами афганского происхождения. Как показали исследования, помимо пуштунских традиций в жизни правящей семьи, а также в административной практике этого государства многое строилось по могольским

⁵ Указаны даты правления. *Бегам* — женская форма от тюркского термина *бек* (в Индии — *бег*), обозначающего феодального властителя, князя.

⁶ См. подробно историю Бхопала: [Ванина, 2016].

образцам [Archambault, 2013, p. 479–484]. Принцам и принцессам давали классическое мусульманское образование: их обучали арабскому языку, фарси и урду, хадисам и, главное, чтению Корана. Начало и завершение этого курса отмечались особыми церемониями и пышными празднествами [Abida Sultaan, 2013, p. 16–23]. Однако уже со второй половины XIX в. княгини начали приглашать к своим детям учителей-европейцев для обучения «западным наукам», прежде всего — английскому языку и литературе. Изучение этих предметов было, как и для всех представителей индийской элиты колониального периода, социально престижным, маркером «прогрессивности».

В мемуарах последней из правительниц, Султан-Джахан-бегам, приведено письмо, которое она, девочка-подросток, получила от матери, Шах-Джахан-бегам⁷. В этом послании, содержащем строгие наставления о том, как дочери следует планировать свое время и отдавать его большую часть учебе, привлекает внимание такая фраза: «С удовольствием шлю тебе два сертификата по английскому языку, один от майора Хатчинсона, политического агента в Гвалиоре, другой от майора Вуда. Эти сертификаты ты должна рассматривать как санад⁸. Надеюсь, ты настолько преуспеешь в английском языке, что получишь еще много подобных сертификатов» [Sultan Jahan Begum, 1912, p. 29]⁹. Очевидно, княгиня попросила британских чиновников проверить познания дочери в английском языке и подтвердить оценку «сертификатом». В приведенной цитате важным представляется слово *санад* — судя по всему, хорошее знание наследницей английского языка Шах-Джахан-бегам рассматривала как одно из многочисленных свидетельств преданности бхопальских правителей британскому сюзерену.

В интереснейших «Мемуарах мятежной принцессы», которые оставила внучка Султан-Джахан-бегам и несостоявшаяся наследница престола Абида-султан (1913–2002), внимание привлекает расписание, составленное для юной принцессы и ее двух сестер. Подъем в 5 часов утра, намаз, чтение Корана с бабушкой, завтрак и верховая прогулка должны были закончиться к 9.30 утра, когда наступало время «европейских наук». С учительницами-англичанками, мисс Коуэн и мисс Уиллер, девочки изучали английский и французский языки, математику, историю и географию. На все это отводилось два часа: после обеда, отдыха и дневного намаза вновь приходила очередь мусульманского образования: чтение Корана с бабушкой, уроки арабского, фарси, хадисов и *фикха* (мусульманской юриспруденции) с педагогами — муллами и шейхом. За этими уроками следовали «игры и спорт на свежем воздухе», потом вечерний намаз и ужин, а перед сном (21.00) — занятия музыкой [Abida Sultaan, 2013, p. 23].

Аналогичное сочетание мусульманского и европейского элементов характерно для воспитания Абиды-султан и ее сестер с первых лет жизни. Помимо местной кормилицы и няни, о девочках заботились еще две бонны: ирландка Уинифрид Сибил Бёрк и немка Мария Франческа Лейфельс. С последней возникли проблемы, когда началась Первая мировая война, и присутствие немки на британской территории колониальные власти сочли нежелательным (в этот момент о «суверенитете» Бхопала почему-то забыли), но княгине удалось отстоять Марию и добиться разрешения ей продолжить службу в княжеской семье. «Мятеж» Абиды-султан заключался в отступлении от предписанных исламом женщине норм поведения и явно западных увлечениях: она ходила с открытым лицом, сделала стрижку, играла в теннис, полюбила джаз,

⁷ Княгиня не испытывала к дочери никаких нежных чувств и общалась с ней, главным образом, сухими письмами-приказами.

⁸ *Санад* (*sanaad*) — букв. «документ» и даже «вексель», документ о признании со стороны некоей высшей политической силы кого-либо законным государем (на деле — вассалом). В языке урду обозначает также «диплом» (благодарю Л. А. Васильеву за эту информацию).

⁹ Подробнее об этом письме и эмоциональной атмосфере бхопальского двора см. [Ванина, 2021].

научилась танцевать модные танцы, водить автомобиль и даже пилотировать самолет, став одной из первых в мире мусульманок-летчиц. Образцом для девочки во многом выступал ее отец, Хамидулла-хан: он также стремился усвоить европейский образ жизни, первым в княжеской семье получив высшее образование сначала в Мусульманском Англо-Восточном колледже (ныне Алигархский мусульманский университет), а затем диплом бакалавра юриспруденции в Аллахабадском университете.

Проводниками западного влияния на быт бхопальских правителей были, помимо воспитателей и учителей, слуги-европейцы, прежде всего дворецкие, английские чиновники, бывшие частыми гостями в Бхопале. Большим влиянием на правящую семью пользовалось французское семейство де Бурбон: переселившись в Индию еще при падишахе Акбаре, его члены в конце XVIII в. нашли в Бхопале вторую родину и, оставаясь католиками, заняли высокие должности при дворе¹⁰. Княжество прославилось своей преданностью английским сюзеренам, что правители особенно доказали во время восстания:¹¹ они, награжденные орденами Британской империи, поддерживали тесные отношения с королевской семьей, включая лично королеву Викторию — ее Султан-Джахан-бегам называла «приемной матерью» [Ibid, p. 57]. В «княжеской галерее» бхопальского Музея штата выставлены подарки *навабам* из Лондона: дорогой фарфор, оружие, предметы мебели, разные «европейские диковинки» и т. д. Сами члены княжеской семьи совершали поездки в метрополию (во время этих поездок, как правило, и нанималась европейская прислуга). Причины поездок были разнообразными: так, в 1911 г. Султан-Джахан-бегам отправилась в Европу с частным визитом, дабы показать медицинским светилам тяжело больного среднего сына Обайдуллу-хана. В 1925 г. она вместе с сыном, невесткой и тремя внучками снова предприняла путешествие в Лондон, и на этот раз визит являлся официальным: княгиня стремилась добиться от английских властей нужного ей решения по так называемому «бхопальскому делу о престолонаследии»¹².

Для княжеской семьи в Лондоне сняли роскошный особняк, где помимо взятых из дома слуг работали английские дворецкий, эконо, горничные, лакеи и шофер. Они придавали «восточным деспотам» европейский лоск, что было особенно важно для посещавших особняк британских аристократов. Когда же княгиню с семьей пригласили в Букингемский дворец, она решила купить себе английский туалет, поскольку все наряды, взятые из дома, оказались слишком легкими для наступившего холода. Найти платье, достаточно длинное и совместимое с вуалью (*буркой*), которой княгиня, верная мусульманской традиции, всегда закрывала лицо на людях, оказалось непросто. Наконец нужный туалет купили — к ужасу более просвещенных членов семьи княгини, он оказался пеньюаром! Этот забавный эпизод, с юмором описанный в мемуарах Абида-султан [Ibid, p. 65–67], весьма символичен: паранджа в сочетании с пеньюаром

¹⁰ Под их влиянием геральдический знак Бурбонов, лилия (*fleur de lys*) стала элементом герба Бхопала [Shah Jahan Begum, 1876, p. 25–26; Khan, 2000, p. 61–65]. Одному из Бурбонов приписывается строительство в Бхопале дворца Шаукат-махал с его странной смесью могольского архитектурного стиля с европейскими — готическим и ренессансным.

¹¹ В 1857 г. Сикандар-бегам жестко подавила попытки расквартированных в Бхопале войск присоединиться к восставшим силам, расправилась с агитаторами, призывавшими народ к джихаду против англичан, и направила в помощь британским войскам собственный армейский контингент.

¹² После смерти в 1924 г. второго сына княгини, Обайдуллы-хана (ранее, в том же году, умер его старший брат Насрулла-хан), Султан Джахан-бегам приняла решение объявить наследником своего младшего сына, Хамидулла-хана, и отречься от престола в его пользу. Однако британская администрация утверждала: поскольку Обайдулла-хан скончался в официальном ранге наследника престола, то новым наследником должен стать его сын Хабибулла, а не брат. Чтобы настоять на своем решении, Султан Джахан-бегам решила отправиться в Лондон и самостоятельно добиться у премьер-министра и короля Великобритании нужного ей решения в пользу Хамидулла-хана, что ей после долгих усилий и удалось.

иллюстрируют «восточно-западный» стиль бхопальских правителей. Княгиня, любившая продемонстрировать свою прогрессивность, была неумолима, когда члены ее семьи излишне увлекались чуждым образом жизни. Во время долгого ожидания королевского решения сын, невестка, внуки (от умерших сыновей) и внучки Султан-Джахан-бегам ходили по музеям, концертам и клубам. Пользуясь тем, что из-за холода бабушка не покидала своих покоев в верхнем этаже особняка, они стали устраивать внизу дансинги, но были пойманы с поличным разгневанной княгиней, устроившей скандал сыну и внукам: «в священный месяц Рамадан они танцуют, держа в объятиях женщин, и пускают дым из ноздрей, вместо того, чтобы поститься» [Ibid, p. 68–69].

Бхопал нередко посещали высокопоставленные британские чиновники и европейские путешественники, и для них гостеприимные княгини учреждали бунгало и гостевые дома, оборудованные и обслуживаемые по-европейски. Так, французского путешественника Луи Русселэ правительство Бхопала поселило в Моти (Жемчужном) бунгало — «элегантном павильоне, окруженном красивым садом... его интерьер обустроен по европейской моде» [Roussellet, 1882, p. 447]. В небольшом городе Сехор (39 км. от Бхопала)¹³ Шах-Джахан-бегам в 1898 г. выкупила виллу, принадлежавшую покойному английскому инженеру, и превратила ее в гостевой дом для проезжих английских офицеров и чиновников; изредка там останавливались и индийские князья. Дом этот, как следует из особой папки документов, хранящихся в Национальном архиве Индии, был организован на английский лад, блюда в столовой подавались только европейские, обслуживавшая гостей индийская челядь подчинялась англичанину-управляющему, но жалованье получала из бхопальской казны [H. N. the Begum of Bhopal's Guest House, 1898].

Настоящим экзаменом на «цивилизованность» и «прогрессивность» для бхопальских правителей оказывались визиты в княжество вице-королей Индии. Программа и все детали таких визитов согласовывались и утверждались за несколько месяцев. Особенно важным для хозяев было продемонстрировать высокопоставленным гостям лояльность, порядок и «цивилизованность». Поэтому, с одной стороны, при организации встреч, церемоний, приемов и т. п. подчеркивалась «азиатская экзотика» (торжественные шествия на слонах через украшенный цветочными арками город, охота на тигров, сидение на коврах и подушках, пиры на могольский лад, кальяны, музыка и танцы и т. д.), а с другой быт гостей обустроивался по-европейски, и это прежде всего касалось внешнего вида челядинцев, которые должны были прислуживать гостям или просто могли попасться им на глаза. В бхопальском отделении Национального архива Индии мне довелось прочитать (с помощью местного историка и архивиста Мушаррафа Хусайна, я приношу ему искреннюю благодарность) две объемистые папки на урду, датированные 1891 г., когда Бхопал посетил вице-король Индии лорд Лэнсдаун с семьей и огромной свитой. Документы касались животрепещущего для Бхопала вопроса: необходимости обеспечить всю местную прислугу униформой.

Европейская практика такого рода утвердилась в Бхопале еще при Сикандар-бегам, но на первых порах она касалась государственных служащих. К 1891 г. княжеская обслуга тоже имела униформу, но, как свидетельствуют документы, ее «не меняли три года», она «вышла из строя», «стала старой и грязной», «пришла в негодность» и, следовательно, нуждалась в замене. Подобная замена, подчеркивают авторы прошений — чиновники, которым поручено приведение в порядок всего жилого и садового «фонда», необходима потому, что в старой униформе слуги будут «выглядеть перед его превосходительством уродливыми», это «нанесет вред репутации» монархини [Копия прошения 1891: 3]. Новая униформа рассматривалась как необходимый

¹³ Этот город являлся центром английского контроля над княжеством: там находилась резиденция политического агента — высокопоставленного британского чиновника, надзиравшего над Бхопалом и еще 9 мелкими соседними государствами; там же были расквартированы английские войска.

маркер «богатства и величия» княжества [*Naql-i 'arzi mohatmim*, 1891, f. 5]. Как только началась подготовка к визиту, в правительство княжества хлынул поток заявлений от чиновников, должностных лиц различных рангов и просто представителей местной аристократии с просьбой экипировать прислугу (в том числе личную) за счет казны. Главным обоснованием являлась изношенность уже существующей одежды или ее отсутствие, а также возможность того, что «лорд-сахиб» и прочие «высокие господа» заглянут в тот или иной уголок [Там же: 21].

Так, заведующий парком Нур-баг прямо указал в прошении: его подчиненные «вообще почти голые», им нельзя разрешать появляться «в присутствии сахибов», которым такое явно не понравится, и «будет стыдно. Разве могут они в таком виде подносить господам цветы и фрукты? Господа будут недовольны» [*Misl kaghzāt muqadma tayyārī vardī- i mulāzimān*, 1891, f. 35]. Для челяди, назначенной непосредственно обслуживать вице-короля и его свиту, специально мобилизованные со всего княжества портные шили униформу «европейского образца», с обязательными галунами; это также было показателем «цивилизованности» принимающей стороны. В одних случаях со слуг снимали мерки, а в других, когда время визита приближалось, просто решали «сделать кафтаны такими широкими, дабы налезли на любого» [Ibid, f. 17]. На вопрос, как поступить с новыми униформами после отъезда высоких гостей, последовал четкий приказ: «чтобы не носили, а то истреплются» [Ibid, f. 10]. Такая резолюция, на мой взгляд, хорошо иллюстрирует декоративно-демонстрационный характер европейских заимствований в бхопальском княжеском быту.

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

В 1877 г. Шах-Джахан-бегам выделила 3,5 млн рупий на строительство, на паях с центральным правительством, железнодорожной линии от г. Итарси до Бхопала; затем, по предложению *наваба*, ее продлили и соединили с линией Агра — Гвалиор, а дальше — с Великой индийской полуостровной дорогой (Great Indian Peninsula Railway, Бомбей — Калькутта). В 1882 г., выступая на торжественной церемонии открытия линии, Шах-Джахан-бегам высказала благодарность английской королеве и британской власти, благодаря которой «свет западной науки воссиял над нашей землей» [Sultan Jahan, 1912, p. 109–117]. Это высказывание — одно из многих комплиментов подобного рода со стороны бхопальских правителей в адрес британских сюзеренов — можно, разумеется, считать просто лестью, типичным проявлением сервильности. Но на самом деле все было далеко не так однозначно.

Участие в строительстве железной дороги — не единственный модернизаторский проект, осуществленный княгинями Бхопала и их наследником Хамидуллоу-ханом. Строительство дорог и каналов, помощь во время стихийных бедствий, учреждение больниц и странноприимных домов являлось обычным и для средневековых государей делом. Однако изученные мною документы свидетельствуют о том, что наряду с традиционной благотворительностью мероприятия эти все больше и больше учитывали реалии нового времени. Еще при Сикандар-бегам в Бхопале появился печатный станок — его и сейчас можно видеть в Музее штата. При ее дочери в княжестве уже действовали три государственные типографии: они печатали княжеские прокламации, книги и официальную газету [Ashfaq Ali, 1984, p. 61]. Появились и частные издательства.

Еще в 1864 г. британский майор Осборн, обследовавший положение с образованием в Бхопале при Сикандар-бегам, заметил: «исходя из расспросов и моих собственных наблюдений, жители Бхопала недурно образованны. Ее высочество Сикандар-бегам запланировала и открыла

большую школу в Бхопале, а также большую школу в Берасии¹⁴. Я полагаю, что около 12 или 15% жителей умеют читать и писать» [Report, 1864, p. 2]. Видимо, такой уровень грамотности, минимальный по нашим современным понятиям, впечатлил исследователя: в других местах, включая Британскую Индию, он был гораздо ниже. Учрежденные правителями школы изначально предназначались только для мальчиков, соответствуя стандартам традиционных начальных школ при мечетях (*мактабов*) и мусульманских семинарий — медресе. Уже во времена Сикандар-бегам там стали преподавать и английский язык, но, как извещала в 1918 г. Султан-Джахан-бегам в официальном документе, подтверждавшем вложение княгиней 400 тысяч рупий в специальный фонд для поддержки школ «Сулеймания» и «Джахангирия» в Бхопале, изначально в княжестве «к английскому образованию проявляли мало интереса». Постепенно ситуация изменилась, школы были реорганизованы под «английское образование» и аффилированы с Аллахабадским университетом для дальнейшего обучения выпускников [Investment of Rupees Four Lakhs, 1918, f. 1].

Шестью годами раньше, в 1912 г., Султан-Джахан-бегам вложила аналогичную сумму в фонд на содержание трех женских школ Бхопала: «Султания», «Виктория» и «Канья патхшала» — последняя, что отражало ее санскритское название (*kanyā pāthśālā*), предназначалась для девочек-индусок. Школами руководили англичанки; питомиц обучали чтению, письму и счету, Корану и богословию (эти курсы были обязательными только для мусульманок), а также вышиванию, шитью, домоводству и уходу за больными. По настоянию Султан-Джахан-бегам в программу добавили английский язык, математику, урду и арабский. «Школа искусств» обучала ремеслам вдов и бедных женщин. Медресе «Билкисия», названное княгиней в честь ее умершей подростком дочери Билкис, принимало на обучение сирот, мальчиков и девочек, которых обеспечивали за казенный счет [Shrivastava, 2005, p. 49–62]. «Я считаю, — подчеркивала княгиня в письме правительственному агенту в Гвалиоре, — женское образование жизненно необходимым для прогресса и благосостояния моей страны» [Female education, 1912, f. 2]. Встретившись с Султан-Джахан-бегам в 1917 г., Э. Монтегю, государственный секретарь по Индии, заметил в дневнике, что она «пугающе увлечена образованием и не болтает больше ни о чем другом» (цит. по: [Lumbert-Hurley, 2007, p. 73])¹⁵.

Не меньше, чем образованием, княгиня «увлекалась» здравоохранением (в княжестве, например, ввели оспопрививание), и прежде всего — для женщин. В 1892 г., во время визита в Бхопал вице-короля лорда Лэндсдауна, в столице состоялось торжественное открытие больницы для женщин, названной в честь супруги высокого гостя. Помощь роженицам и больным оказывали врачи-англичанки, что было особенно важно и для индусок, и для мусульманок, не готовых лечиться у мужчин. За открытием больницы последовало учреждение школы медсестер и школы акушерок (особое внимание уделялось традиционным повитухам — *даи*: их за казенный счет обучали современным методам родовспоможения). По поводу медсестер княгиня писала: «Я знаю по опыту, сколько больных в стране страдает от невежественного ухода. В Европе многие женщины обучаются этому искусству и практикуют его как профессию... Едва ли найдется европейка, которая не умела бы в той или иной степени ухаживать за больными, и даже самые высокопоставленные дамы обучаются в больницах и способны стать хорошими медсестрами... В Индии все наоборот. Из-за отсталости женского образования и отсутствия соответствующих учреждений женщины редко имеют хотя бы рудиментарные познания в этом деле. Они не умеют оказывать даже первую помощь и абсолютно беспомощны перед

¹⁴ Берасия — город в 45 км от Бхопала.

¹⁵ Формулировки свидетельствуют о глубоком неуважении английского чиновника как к собеседнице, так и к теме ее «болтовни».

несчастливым случаем или внезапной болезнью. . . Не говоря о бедняках, даже зажиточные не могут оплатить услуги европейских сиделок. . . Поэтому крайне необходимо принять меры для подготовки медсестер-индианок, чтобы люди всех слоев общества смогли получить помощь, в коей так нуждаются» [Sultan-Jahan, 1926, p. 22–23]. Это «в Европе» чрезвычайно характерно для рассуждений Султан-Джахан-бегам о необходимости тех или иных нововведений: Запад, и прежде всего, конечно, Великобритания, служат образцом прогресса и благосостояния — к ним необходимо стремиться, не теряя при этом религии и идентичности.

Помимо образования и медицины, Султан-Джахан-бегам «пугающе увлекалась» женским вопросом. В Бхопале она учредила Женский клуб им. принцессы Уэльской, где сама нередко выступала с лекциями о правах женщин, необходимости получения ими образования. В 1914 г. княгиня вместе с другими активистками учредила Всеиндийскую конференцию женщин-мусульманок и стала ее президентом, активно участвовала в работе других женских организаций, выступив, по сути, лидером мусульманского женского движения в Индии¹⁶. Она являлась одним из наиболее щедрых спонсоров Алигархского университета, где учился сын, и в 1920 г. стала первой (и по сей день единственной) женщиной-канцлером, поддержала создание в этом до тех пор чисто мужском заведении женского колледжа. Одно из женских общежитий университета (комплекс из четырех корпусов) носит ее имя¹⁷. В последние годы правления Султан-Джахан-бегам при ее сыне Хамидулле-хане «вестернизация» Бхопала развивалась усиленными темпами: электричество, кино, введение выборов в общинные советы (*панчаяты*), муниципалитеты и в Законодательный совет при князе (из его 40 членов, правда, выборными были всего 8), открытие новых школ и медицинского колледжа [Ashfaq Ali, 1984, p. 94–99]. Многие из учебных и лечебных учреждений, устроенных правителями Бхопала, функционируют и по сей день.

Перечисленные мною выше реформы и нововведения (лишь несколько примеров, на самом деле их больше) уже не подходят под категорию «демонстративно-декоративных»: они реально касались подданных, не только княжеской семьи, и существенно модернизировали жизнь в княжестве. «Европа» при этом выступала как источник новых и благодетельных идей, но из ее опыта, разумеется, выбиралось то, что можно было усвоить, не противореча исламу и традиционным устоям. Наоборот, в своей реформаторской деятельности бхопальские правители, особенно Султан-Джахан-бегам, апеллировали прежде всего к исламу. Так, последняя княгиня выступила автором целого ряда книг (вернее, небольших брошюр) «Положение женщин в исламе», «Руководство для супружеских пар» (в английском переводе — «Мусульманские супруги»), «О воспитании детей» и др. В них она подчеркивала и доказывала на примерах из Корана, что «приход ислама спас женщин, находившихся в бедственном положении», женщины-мусульманки «в религиозном и общественном смысле равны мужчинам», но при этом «женщины слабые и хрупкие, поэтому мужчины выступают их защитниками». «В течение веков, — писала она, — ислам оставался непонятым Западом. Вещи, неведомые мусульманскому миру, приписывались этой религии, а ее изначальные добродетели отрицались. Густые облака лжи и непонимания окутывали его (ислама) сияющий лик» [Sultan Jahan, 1980, p. 1–2, 37].

Здесь «Запад» выступает уже как враждебная сила, и бороться за равноправие женщин, их просвещение и достоинство надлежало на основе самого ислама, но не отказываясь при этом от разумного и прогрессивного опыта Европы. Свою верность многим мусульманским устоям и средневековым традициям княгиня нередко пыталась оправдать некими рациональными соображениями:

¹⁶ См. подробнее: [Lambert-Hurley, 2007, p. 144–174; 2010].

¹⁷ Алигарх оказался гораздо более справедливым к этой выдающейся женщине, чем родной Бхопал, где о княгине не напоминает вообще ничего.

например, ношение мусульманками *бурки*, быть может, и нужно отменить, но лишь тогда, когда в обществе воцарится нравственность и женщинам не будет угрожать опасность домогательств, а пока *бурка* защищает женщин от мужской похоти. Детские браки, осуждавшиеся всеми реформаторами Индии, активно практиковались в княжеской семье, и Султан-Джахан-бегам, осуждая их в целом, считала все-таки возможными «в исключительных случаях». Своего одиннадцатилетнего сына Хамидуллу она женила на пятилетней невесте, которая родила первого ребенка в двенадцать лет. Но в объяснении столь вопиющего нарушения собственных принципов княгиня также выступала с реформаторских позиций. Поскольку женское образование в мусульманской среде находится на крайне низком уровне, поясняла она, найти для Хамидуллы невесту брачного возраста с достойным уровнем знаний было почти невозможно, потому заботливая мать решила взять невестку-ребенка и воспитать ее для сына в нужном духе, что ей в значительной степени удалось: Маймуна-султан во многом разделяла убеждения свекрови и выступала перед женской аудиторией с просветительскими речами [Lambert-Hurley, 2007, p. 152–153].

Воззрения и деятельность бхопальских правителей вписываются в общий контекст реформаторского движения в исламе, начавшегося в Алигархе (за что и получило прозвание Алигархского). Основатель движения, а также Алигархского англо-восточного колледжа (впоследствии университета), выдающийся просветитель и основоположник мусульманского национализма Сайид Ахмад-хан (1817–1898), выступал за то, чтобы мусульмане, заметно уступавшие индусам в приобщении к западному образованию и участию в колониальном аппарате, активно усваивали опыт Европы, сохраняя при этом верность своей религии и ее устоям. Он неустанно напоминал: многие научно-технические нововведения Запада были заимствованы от арабов (Арабский халифат являлся для сэра Сайида¹⁸ и его последователей образцом идеального государственного устройства и высочайшей цивилизации), поэтому, обучаясь «западным наукам», мусульмане не противоречили своей вере и культуре, а наоборот, впитывали ее же достижения, которые европейцы сумели усвоить и развить, а мусульмане потеряли, впад в лень, чванство и фанатизм¹⁹. Стремление модернизировать общество, заимствуя западный опыт и одновременно сохраняя традиционные устои веры и культуры, сближает бхопальских правителей, особенно Султан-Джахан-бегам и ее сына, с идеологами Алигархского движения.

Представленный в статье материал позволяет сделать первоначальный и нуждающийся в дальнейшем подтверждении вывод о том, что воздействие западной, и прежде всего — английской культуры на быт и политику правителей княжества Бхопал было ощутимым и многообразным. В большинстве случаев европейские заимствования в княжеском быту носили декоративно-демонстрационный характер, часто диктовались стремлением княгинь доказать свою лояльность британским сюзеренам и заслужить их похвалу за «прогрессивность» и «цивилизованность». Подражание «белым сахибам» являлось и маркером высокого статуса в глазах собственных подданных: обучение детей «западным наукам», английские дворецкие, автомобили и т. д. приближали «гуземных правителей» к тем, кто в колониальном обществе представлял высшую и, увы, недостижимую по положению касту.

Вместе с тем британская метрополия и Европа вообще служили для бхопальских правителей, как и для бесчисленного множества представителей индийской элиты того времени, образцом эффективного, справедливого и прогрессивного общественного устройства. Устои, диктуемые религией и могольско-афганским наследием, в целом сохранялись, но подвергались

¹⁸ Так стали называть Сайида Ахмад-хана после получения им в 1888 г. от британского правительства звания «Рыцарь-командор Ордена «Звезда Индии». И в современной Индии его обычно величают просто «сэр Сайид».

¹⁹ См. подробнее: [Graham, 1885; Banerjee, 1982, p. 77–139; Ikram, 1992, p. 30–60].

рациональной критике по двум основным направлениям. Сравнение с Европой выявляло отсталость и неэффективность традиционных институтов, что ставило власть имущих — таких, как правители Бхопала — и к власти стремящихся перед осознанной необходимостью нововведений и реформ. Но эта необходимость обосновывалась ссылками не только на европейский опыт, но и на собственные традиции, догматы веры, «не понятые» и «нуждавшиеся в очищении (новой интерпретации)», как это было с вопросом о женском равноправии и образовании. Все реформаторские усилия бхопальских правителей, о которых шла речь, свидетельствовали не только об английском влиянии, но и о готовности представителей правящей элиты к его восприятию, критическому пересмотру привычных догм.

Литература / References

Ванина Е. Ю. Бхопал: навабство на «пустом месте». Глушкова И. П. (руководитель проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016. С. 244–276 [Vanina E. Yu. Bhopal: a Nawabi on an Empty Place. Glushkova I. P. (gen. Ed.), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 244–276 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Придворные страсти и дамы у власти (бхопальский этюд). И. П. Глушкова (рук. проекта, отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость. Введение в стандарты и практики эмоций*. М., 2021. С. 379–406 [Vanina E. Yu. Court Passions and Ladies in Command (a Bhopal Etude). Glushkova I. P. (gen. ed., volume ed.). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride. The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow, 2021. Pp. 370–406 (in Russian)].

Глушкова И. П. Два-в-одном: административно-территориальный казус маратхского княжества (Девас) в центре Индии. Глушкова И. П. (руководитель проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016. С. 202–232 [Glushkova I. P. Two-in-one: Administrative-Territorial Casus of a Marathi Principality (Devas) in Central India. Glushkova I. P. (gen. ed.), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 202–232 (in Russian)].

Глушкова И. П. От «худшего» к «лучшему»: методики понижения и повышения статусного ранга (дхарский коллаж). И. П. Глушкова (рук. проекта), Е. Ю. Ванина (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного разнообразия*. М., 2017. С. 643–683 [Glushkova I. P. from 'Worst' to 'Best': the Methods of Lowering and Raising the Status Rank (a Dhar Collage). Glushkova I. P. (gen. ed.), Vanina E. Yu. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise. Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity*. Moscow, 2017. Pp. 643–683 (in Russian)].

Девяткина Т. Ф. *Ликвидация княжеств в современной Индии*. М., 1961 [Devyatkina T. F. *Liquidation of Princely States in Modern India*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Британские расшаркивания, или Как обрести союзников (на примере Хайдарабадского княжества). / И. П. Глушкова (рук. проекта), Е. Ю. Ванина (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного разнообразия*. М., 2017. С. 442–487 [Sidorova S. E. British Curtsying or How to Get Allies (the Case of Hyderabad Princely State). / Glushkova I. P. (gen. ed.), Vanina E. Yu. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise. Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity*. Moscow, 2017. Pp. 442–487 (in Russian)].

Сидорова С. Е. Падение княжеского дома Бхосле: трехчастная драма в письмах. *Восток*. 2021. № 6. С. 213–224 [Sidorova S. E. The Fall of the Princely House of Bhosle: A Three-part Drama in Letters. *Vostok / Oriens*. 2021. No. 6. Pp. 213–224 (in Russian)].

Abida Sultaan. *Memoirs of a Rebel Princess. Foreword by Sahibzada Yaqub-Khan. Introduction by Siobhan Lambert-Hurley*. Karachi, 2013.

- Archambault H. L. *Becoming Mughal in the Nineteenth Century: The Case of the Bhopal Princely State*. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2013. Vol. 36. No. 4. Pp. 1–20.
- Ashfaq Ali S. *Bhopal Past and Present (a Brief History of Bhopal and Madhya Pradesh from the Hoary Past upto the Present Time)*. Bhopal, 1984.
- Banerjee A. C. *Two Nations: the Philosophy of Muslim Nationalism*. Delhi, 1981.
- Ernst W. and Pati B. *People, Princes and Colonialism*. Ernst W. and Pati B. (eds). *India's Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 1–14.
- Ghose A. K. (comp.). *Laws Affecting the Rights and Liberties of the Indian People (from Early British Rule)*. Calcutta, 1921.
- Graham F. G. I. *The Life and Works of Sir Syed Ahmad Khan, C.S.I.* Edinburgh, 1885.
- Ikram S. M. *Indian Muslims and Partition of India*. Delhi, 1992.
- Keen C. *Princely India and the British. Political Development and the Operation of Empire*. London, 2012.
- Khan S. M. *The Begums of Bhopal. A Dynasty of Women Rulers in India*. London — New York, 2000.
- Lambert-Hurley S. *Muslim Women, Reform and Princely Patronage. Nawab Sultan Jahan Begum of Bhopal*. London, 2007.
- Lambert-Hurley S. *Historicizing Debates over Women`s Status in Islam: the Case of Nawab Sultan Jahan Begam of Bhopal*. Ernst W. and Pati B. (eds). *India's Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 139–156.
- Ramusack B. N. *The Indian Princes and Their States. The New Cambridge History of India*. Cambridge, 2004.
- Rousselet L. *India and Its Native Princes. Travels in Central India and in the Presidencies of Bombay and Bengal*. London, 1882.
- Sen I. 'Cruel, Oriental despots': representations in nineteenth-century British colonial fiction, 1858–1900. Ernst W. and Pati B. (ed.). *India`s Princely States. People, Princes and Colonialism*. Delhi, 2010. Pp. 30–48.
- [Shah Jahan B]. *The Taj ul-Ikbal Tarikh Bhopal; or The History of Bhopal*. Tr. by H. C. Barstow. Calcutta, 1876.
- Srivastava G. *The Role of Begums of Bhopal in Girls' Education*. Delhi, 2005.
- [Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gobur-i- Ikbal)*. Tr. by H. C. Paine. Vol. I–II. London, 1912.
- [Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gobur-i- Ikbal)*. Tr. by H. C. Paine. Vol. III. Bombay, 1926.
- [Sultan Jahan Begum]. *Muslim Married Couple by H. H. Nawab Sultan Jahan Begum Sabiba*. Delhi, 1980.
- Zutshi C. *Re-visioning Princely States in South Asian Historiography: A Review*. *Indian Economic and Social History Review*. 2009. Vol. 46. No. 3. Pp. 301–313.

Архивные документы / Archival Documents

- Female Education in the Bhopal State, 1 (and) Proposal of Her Highness the Begum of Bhopal to Deposit with the Government of India 4 Lakhs of Rupees for the Purpose, 2*. National Archives of India. Bhopal Political Agency. Branch General. Progs. Nos. 19/7, 1912.
- H. H. the Begum of Bhopal`s Guest House at Sehore*. National Archives of India. Bhopal Political Agency. File no. 4449. Digitized document PR_000004008342, 1898.
- Investment of Rupees Four Lakhs by Her Highness the Begum of Bhopal under Charitable Endowments Act, 1890 (VII of 1890), for the Maintenance, Promotion and Encouragement of Education at the Sulaimania and Jahangiria Schools in Bhopal*. National Archives of India. Foreign and Political Department. Progs. Nos. 380–387. March, 1918.
- Miṣl kaghẓāt muqadma tayyārī vardī- i mulāzimān bāghāt-i riyāsat ba taqrīb taṣrīf āvarī nawāb general governor ṣāhib bahādur bābat san 1309*. Daftar-i inṣā, no. 48. Bhopal Branch, National Archives of India, 1891.
- Naql-i 'arẓī mohatmim toṣā khāna riyāsat Bhopāl ma'arūzā māb rabī' al-awwal sana 1309 hijrī*. Daftar-i inṣā, no. 45. Bhopal Branch, National Archives of India, 1891.
- Report On the Present State Condition of Education in the Native States and British Districts Within the Limits the Central India Agency*. National Archives of India. Digitized Collection. Home Education Department. Branch A. File No. Home_Education_A_1864_Mar_8.